

– Мам, а мам! А когда наш папка придёт?
– Придёт, обязательно придёт. Вон к Зенковым пришёл, и к нам придёт.

И я, довольный, убежал играть в свои Зелёные Палестины.

Значит, вчера не зря я попугал Лёньку отцом.

Мы с пацанами только что раскурочили комбайн, и у меня в кармане было несколько тяжёлых стальных снарядов для рогатки. Стрелять из рогатки можно было и кусочками поршневых колец, и осколками кирпича, но шарики из подшипников считались лучшими.

Я увлёкся охотой на воробьёв и не заметил, как разбежались почему-то все мои сверстники. Только я прицелился в жида (так мы называли воробьёв), присевшего на дерновую крышу мастерской машинно-тракторной станции, как в этот момент внезапно появившийся Лёнька схватил за рогульку и дёрнул на себя. Я разжал пальцы, и шарик, зажатый в кожанке, вклепил ему прямо в живот.

Пока он дико вопил и, обняв живот, сидел на корточках, я уже мчался прочь, к озеру. Со всего разбега я влетел в мелководье, сразу же увяз в иле и, упав и не выпуская из руки рогатку, отполз на четвереньках подальше, к камышам.

– У-у-у! – зло кричал прибежавший Лёнька. – Убью, утоплю, паразит!

Но в грязь он так и не полез, решив дожидаться меня на берегу. Но и я не собирался так просто сдаваться. Наконец он не выдержал и, закатав до колен штаны, полез в воду.

Дальше была глубина, и я, заткнув рогатку за пояс, со страху пригоршнями стал бросать в следователя маслянисто-чёрный ил.

– Да я тебя, шкет! – продолжал он угрожать, защищаясь от летящей в него грязи и медленно приближаясь ко мне.

От отчаяния и безысходности я истерично, охрипшим голосом пропищал:

– Вот завтра папка мой с фронта придёт и примет к тебе меры!

Лёнька остановился. Его настолько поразили страшные слова о применении мер, что он отказался от погони и сказал:

– Ладно, шкет. Я тебя еще поймаю.

Он не спеша вылез из воды и, не оглядываясь, ушёл.

Я ещё выждал и, убедившись в безопасности, выбрался на берег.

– Толян, а я утку поймал! – услышал я крик.

Юрка Зенков, толкая перед собой тачку с деревянной кадушкой, спускался к озеру.

– Где, где она? – оживился я.

– А они – эти утки – летели и взик! Ударились в провода, и одна кувырком упала. Я схватил её и отцу отнёс.

Мы залили в кадущку воду и бегом погнали тачку домой.

– А утка живая?

– Была вроде ещё тёплая, да папка ей голову прогрыз, аж потом пухом плевался. Мы сейчас из неё суп варим. А он, папка, вчерась мамку костылём побил, аж костыль сломался.

– Да я знаю, – тихо и невесело сказал я.

Зенковы – наши соседи. Переборка тонка, всё слышно.

Сначала Юркин отец долго играл на трофейной губной гармошке, потом всё надолго стихло, а как мне заснуть – слышались шум и крики. Наутро тётя Нюра, сгорбившись больше обычного, прятала лицо, кутая в платок, а Юркин отец, ворча, чинил костыль на нашем общем крыльце и, когда закончил ремонт, нудно, без умолку пиликал на гармошке.

У Юрки было целое богатство: отец дал ему полный кисет пулемётных гильз. Он говорил, что на войне отец был пулемётчиком, а ногу ему отрезали из-за мины, которая разорвалась рядом. От блестящих гильз ещё сильно пахло порохом, и мы научились свистеть в них – то паровозным гудком, то протяжной сиреной. А когда надоело – придумали стрелять ими из рогатки, заполнив пустоты глиной.

Месяцем раньше самым первым пришёл с войны дядя Егор, Моргунов. У него не было одной руки. Я сначала боялся смотреть на его лицо, потому что с одной стороны верхней губы много не хватало, и изо рта торчали зубы, как будто он собирался сразу укусить. А вместо глаза – ничего, только багровый шрам.

У Моргуновых детей не было. Когда-то они были, но умирали маленькими. Тётя Поля, жена Моргунова, работала на кирпичном заводе. Мы бегали туда за глиной, из которой лепили пушки и солдатиков. Глину нам давала тётя Поля, а другие почему-то ругались на нас, прогоняли и пугали глубокой ямой, в которой выжигался кирпич.

Когда принесли похоронку на Моргунова, в посёлке дружно ревели все бабы, а тётю Полю мы несколько дней не видели на работе.

Мишка Балагин, наш дружок, говорил, что слышал – тётя Поля хотела наложить на себя руки, но ей помешали. Она сильно исхудала и всё равно умерла в станционной больнице. А потом пришло письмо из госпиталя от Моргунова, и бабы опять ревели.

На второй день после возвращения дяди Егора Юрка Зенков нашёл меня в огороде. Я в одиночку играл в ящерицу: ползал между грядок и скусывал ягоды паслёна.

– Пошли! Там Моргунова в милицию забирают!

У дома фронтовика стояла телега с лошадыми. Мы заглянули в окно и оторопели: дядя Егор, весь в саже, сидел на груди кирпичей, держа в руке выдранную из печки плиту, и плакал. Его, как был – грязного, без рубахи – увезли на станцию два милиционера. Какое-то время мы бежали за телегой, но скоро отстали.

Моргунова в тюрьму не посадили, он вернулся на следующий день. Мы уже знали, что у него есть самая главная награда – геройская звезда.

Я притащил с кирпичника ведро глины, он одной рукой красиво сложил новую печь, и мы всё хорошо прибрали в квартире.

Крадучись, в потёмках я пришёл домой, надеясь, что мать уже спит.

– Ты где был? – спросила она, давая подзатыльник.

– С Мишкой Балагиным мы глину Моргунову носили. Ещё ходили на озеро за водой, – попытался я оправдаться.

67

– Не ври! Мишка твой – я видела – давно дома, а тебя черти за водой носят. За водой пойдёшь, не догонишь, не за водой – по воду ходить надобно, – поучительно и строго сказала мать.

Я съёжился, ожидая сурового наказания, но всё обошлось.

С Моргуновым я сдружился и иногда помогал ему по дому и перестал замечать его страшное увечье.

Дядя Егор заметил у меня рогатку за поясом. Он долго вертел её в руке, потом вдруг бросил в топку печи, оставив лишь кожанку. Она была не из кирзы, а из настоящей кожи.

– Откуда? – спросил Моргунов.

– С мамкинова ботика язычок срезал, – покраснев, признался я.

– Видела? – обеспокоился дядя Егор.

– Не знаю...

– Плохо, – подвёл итог фронтовик.

Черёмуховую рогульку для рогатки Моргунов потом принёс с работы. Чтобы зачистить кору, он дал мне большой нож-кинжал с красивыми, но незнакомыми буквами по центру клинка: «Alles für Deutschland».

– Аллес фюр дойтчланд, – прочитал для меня Моргунов.

Я не понял. И он, улыбнувшись остатком рта, пояснил: «Всё для Германии».

Для рогатки главное – резина. Красная – самая тянучая, но её нигде было взять. А у Моргунова нашлась. Рогатка получилась отменная, таких ни у кого не было. Лёнька не зря охотился за ней.

Дядя Егор оказался очень добрым. А иногда даже смешным.

Собираясь на охоту за утками, он долго звал свою большую чёрную собаку.

– Узнай, Узнай!..

Собака давно сидела рядом, у ноги, но с другой стороны, где он не мог её видеть.

Потеряв всякую надежду, он, повернувшись, восклицал:

– Ах, ты здесь!

Мы, пацаны, хохотали, но он не обижался.

Как-то он дал нам по разу выстрелить из двустволки. У меня долго болели плечо и ухо, а у Юрки опухла вся щека.

Не знаю, попали ли мы в цель, зато фронтовик стрелял очень метко. Казалось, отсутствие руки ему вовсе не мешает.

Однажды он ловко сбил пролетающую вдали сороку, и она упала в куст, застряв в ветвях. Мы поймали её ещё живую, она громко кричала и клевалась – и принесли её охотнику.

– Возьмите себе, – сказал он.

Сороку мы держали в овечьем загоне и кормили кузнечиками и лягушками. Она быстро поправилась и потом куда-то упрыгала.

Уже много после, когда началась весна, мы увидели, как сорока строила гнездо на том же кусте.

– Это точно наша, – сказал Мишка. – Вон у неё хвост куцый.

Юркин отец не охотился из-за ноги, а когда ему привезли протезную ногу, его стали приглашать на делёж добычи, потому что его уважали за то, что он работал бухгалтером.

Мужики раскладывали барсучье мясо на порции. Юркин отец отворачивался и ему завязывали глаза.

– Это кому? – спрашивал дядя Егор, показывая на очередную кучку. Зенков называл кого-либо из участников охоты, все почему-то шутили и смеялись, и никогда никто на него не обижался.

Стояла невероятная жара. Для полива огородов все брали воду из озера. Бывший пуле-

мётчик приделал к двухколёсной тележке большую бочку, и мы с Юркой впряглись в оглобли и галопом, поднимая пыль, поскакали к озеру. Когда мы налили её доверху, то с трудом сдвинули с места. Мало того, впереди нас ждал подъём, где мы окончательно забуксовали. Я тянул тележку спереди, вцепившись в оглобли, и что есть силы упирался ногами, а Юрка толкал бочку сзади. От наших дёрганний меня мотало из стороны в сторону. Мы одолели горку, как вдруг позади послышался Лёнькин крик:

– Ах, вот ты мне и попался!

Я выпустил из рук взметнувшиеся вверх оглобли, бочка опрокинулась назад, и это оставило преследователя.

Путь к спасительному озеру был отрезан, и я вынужден был мчаться куда глаза глядят. Я выбежал на окраину, в поле – отсюда дорога уходила на станцию. Лёнька уже дышал мне в спину. Выхватив из-за пояса рогатку, я уже хотел было бросить её ему под ноги, но... остановился. Лёнька налетел на меня и чуть не сбил с ног.

– Ага! – закричал я. – Во-он мой папка идет!

И действительно, по дороге шёл мужчина в зелёной форме, с чемоданами и рюкзаком, приближаясь к нам. Забыв о Лёньке, я бросился назад в поселок, домой.

– Мама! Папка идёт! – заорал я, завидя мать в огороде. Она так и завалилась на грядку. Я испугался.

– Вставай! Вставай! – кричал я, боясь, что мы не успеем.

Мать наконец пришла в себя, мы подошли к изгороди – отсюда хорошо была видна дорога.

– Нет, сынок, – заплакала мать. – Это не твой папка... Это к Меркушиным.

Мы не любили Борьку Меркушина. Белый, рыхлый, круглолицый, он никогда не играл с нами и постоянно жевал. Мы всегда отбирали у него булочки и крендельки, посыпанные сахаром. Дед его служил в церкви, и от Борьки пахло ладаном.

На следующий день Мишка Балагин предложил нам пограбить Борьку, но я сказал, что к нему вернулся отец.

– Ну и что! – воинственно возразил Мишка. – Отберём у него жратву и убежим в лягу (ляга – это кочковатое болото за посёлком).

Борьку мы не нашли. Зато через щели в плетне увидели его отца – в галифе и нательной рубахе, росточка малого, чуть выше Лёньки. Он

затёсывал с трёх сторон концы длинных кольев и вбивал их в землю, огораживая новый участок. Мы так и не увидели, во что он ранен, и решили всё равно отлупить Борьку, если он не принесёт нам булочек. Мы осмелели, потому что нам показалось, что отец-коротышка нам не помеха.

В посёлке некоторые судачили, что Меркушин вовсе не воевал, а работал на военном складе, и что он привёз тюль и награбленные отрезы на платье.

Мы вскоре увидели тюлевые занавески в их окнах – единственные на весь посёлок. Другие же говорили, что Меркушин взаправду служил в артиллерии, от этого он плохо слышал. И на самом деле он всё время переспрашивал:

– А? Чево?

Над ним подшучивали и обзывали глухой терей, а он своё:

– А? Чево?

Время шло. Огороды уже чернели лысой землёй – картошку выкопали, только ободранные подсолнухи кривыми палками торчали повсюду, трепеща ещё пожелтевшими листьями-ушами...

А папки всё не было.

Я иногда выходил к дороге, стоял и ждал. До станции было километра три, оттуда тревожно доносился стук вагонных колёс. Дорога от нашего посёлка шла к станции вдоль берега озера, а потом терялась в высоких камышах, отвернув в сторону. Именно из-за поворота я ждал чуда.

– Ага, попался!

Лёнька обхватил меня сзади. Я нисколько не испугался, даже не вздрогнул. Лёньку это озадачило, и он разжал руки.

– Отца ждёшь? – спросил он и посмотрел мне в глаза. – Тебе хорошо, а у меня никогда отца не было. Дашь из рогатки стрельнуть?

Я протянул ему своё сокровище, Лёнька шмякнул вдоль дороги пулемётной гильзой, и она попрыгала блинчиками, весело взбивая пыль.

– Здоровская праща! – похвалил он и вернул рогатку. – Дашь мне гильзов?

– Ладно, – согласился я. – У меня есть штук десять, я их на чердаке спрятал.

Мы ещё подождали вместе, но дорога была пуста. Пошёл дождь, за его серой стеной скрылся и дорожный поворот.

– Не плачь, – сказал Лёнька, услышав тихие всхлипывания. – Надо сильно-сильно захотеть, и тогда сбудется. Я раз сильно захотел жвачки, и в этот день приехал дядька, который принимает тряпье и кости, а у него этого добра завались. Ладно, не надо мне гильзов, стреляй сам.

Мы вернулись в посёлок друзьями.

– Если кто-то будет отбирать у тебя рогатку, ты скажи мне! Я тому сразу кровянку пущу, – сказал при расставании Лёнька.

– Мам, а мам! А папка когда-нибудь придёт? – с порога спросил я и оцепенел: мать держала в руках свой новый ботинок без язычка.

– Ты вот что: отнеси туфлю на ремонт Моргунову, это он сам попросил...

– Мам, а папка? – осмелел я.

– Придёт, сынок, придёт, – не глядя мне в глаза, ответила мать.

Я не знал, что похоронка на отца, свёрнутая в трубочку, давно уже лежала на божничке.